

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 1

2020

Митрополит Ферапонт (Кашин)

Костромская епархия в начале Первой мировой войны (по материалам отчета о состоянии епархии за 1914 год)

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10011

Аннотация: В статье на основании ранее не публиковавшегося источника по истории Костромской епархии — отчета о ее состоянии на 1914 г., направленного управляющим епархией в Святейший Синод, — описывается церковная жизнь Костромской губернии в год начала Первой мировой войны. Приводятся сведения о кадровых изменениях в руководстве епархии, о работе духовной консистории, епархиального попечительства о бедных духовного звания и благочинных; о деятельности монастырей, в том числе благотворительной и связанной непосредственно с нуждами военного времени; о храмах и клириках епархии; о духовно-нравственном состоянии населения губернии, старообрядчестве и сектантстве. Особое внимание уделено влиянию военного времени на события церковно-общественной жизни. Отмечаются как положительное воздействие на народную нравственность запрещения торговли спиртными напитками, так и низкий религиозно-нравственный уровень населения городов и фабричных районов (по сравнению с сельскими жителями). Приводятся статистические сведения о церковных школах Костромской епархии. Другие источники о событиях в Костромской губернии первых лет войны, динамика настроений различных слоев населения позволяют выделить позицию Костромской епархии в столь сложный период, оценить как объективность отчета, так и роль епархии в жизни губернии.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Костромская епархия, Святейший Синод, Первая мировая война, православное духовенство, церковная благотворительность, монастыри, приходы, старообрядчество, сектантство.

Об авторе: **Митрополит Ферапонт (Кашин Дмитрий Витольдович)**

Митрополит Костромской и Нерехтский, глава Костромской митрополии Русской Православной Церкви, кандидат богословия.

E-mail: feparontk@ya.ru

Ссылка на статью: *Ферапонт (Кашин), митр.* Костромская епархия в начале Первой мировой войны (по материалам отчета о состоянии епархии за 1914 год) // Христианское чтение. 2020. № 1. С. 127–140.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2020

Metropolitan Ferapont (Kashin)

Kostroma Diocese at the Beginning of the First World War
(based on the status report of the diocese for 1914)

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10011

Abstract: The article is based on a previously unpublished source on the history of the Kostroma diocese (a report on its status for 1914, sent by the head of the diocese to the Holy Synod), the church life of the Kostroma province is described in the year of the beginning of World War I. It provides information on personnel changes in the authority of the diocese, on the work of spiritual consistory, diocesan guardianship of the poor clergy, about the activities of the monasteries, including charitable and directly related to the needs of wartime; about the churches and clergy of the diocese; about spiritual and moral condition of the population of the province, Old Believers and sectarianism. Particular attention is paid to the influence of wartime on the events of church and public life. It is recognized that prohibition of trade in alcoholic beverages made a positive impact on people's morality. But it is stated that religious and moral level of the population in cities and industrial areas is low compared to rural residents. Provided is statistical information about church schools of the Kostroma diocese. Other sources about events in Kostroma province of the first years of war, dynamics of moods of various layers of the population allow to allocate a position of the Kostroma diocese in so difficult period, as well as to estimate, both objectivity of the Report, and a role of the diocese in life of province.

Keywords: Russian Orthodox Church, Kostroma diocese, Holy Synod, World War I, Orthodox clergy, church charity, monasteries, parishes, Old Believers, sectarianism.

About the author: **Metropolitan Ferapont (Kashin Dmitry Vitoldovitch)**

The Metropolitan of Kostroma and Nerekhta, Governor of the Kostroma Metropolis of the Russian Orthodox Church, Candidate of Theology.

E-mail: ferapontk@yandex.ru

Article link: Ferapont (Kashin), metr. Kostroma Diocese at the Beginning of the First World War (based on the status report of the diocese for 1914). *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 1, pp. 127–140.

Совсем недавно минула дата столетия окончания Первой мировой войны, совершенно перекроившей политическую карту Европы. Вместо того чтобы заслуженно стать одной из победительниц в кровавой пятилетней битве, Россия пережила две революции, беславленную капитуляцию и гражданскую войну. Тяжелая трансформация мировоззрения российского общества поколебала вековые устои культурно-общественного уклада: самодержавие, веру, культурные и сословные традиции.

Могут ли епархиальные отчеты, другие документальные свидетельства жизни глубинки центральной России, сохранившиеся в архивах со времени начала Первой мировой войны (1914–1915 гг.), дать нам ответ о наличии каких-либо внутренних предпосылок разыгравшейся трагедии, изменившей судьбу державы? Тем более что многие авторы, сторонники советской идеологии, в своих трудах обосновывали революционные события тяжелейшим положением народных масс, что в определенной мере указывает на предвзятость таких оценок.

Среди документальных материалов по истории Русской Православной Церкви синодального периода интересным, но пока еще мало изученным источником являются отчеты о состоянии епархий, подававшиеся епархиальными архиереями в Святейший Синод. Обязательность подачи подобных отчетов — «рапортов» — была определена Духовным регламентом 1721 г. (полное название — Регламент, или Устав духовной коллегии) и указом Святейшего Синода от 25 ноября 1737 г., присылать рапорты следовало дважды в год. Указом Святейшего Синода от 31 августа 1832 г. периодичность донесения была изменена с двух до одного раза в год [Спичак, 2016, 45]. В настоящее время такие документы за 1853–1916 гг. хранятся в фонде канцелярии Святейшего Синода Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 796. Оп. 442). Наряду со сведениями церковно-статистического характера епархиальные отчеты зачастую содержали любопытную информацию о религиозно-нравственной жизни населения региона (губернии) как в целом, так и по специфическим социальным группам (духовенство, монашество).

В качестве примера в данной статье рассматривается отчет о состоянии Костромской епархии за 1914 г. — год начала Первой мировой войны, принципиально изменившей жизнь российского общества (Отчет о состоянии Костромской епархии за 1914 год. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645). Отчет подписан епископом Костромским и Галичским Евгением (Бережковым)¹. Текст приводится в современной орфографии (это относится и к написанию прописных букв), но с сохранением отдельных существенных особенностей оригинала.

Первый раздел отчета — «Устройство и состояние управления» — открывается описанием важных кадровых решений, принятых Святейшим Синодом в 1914 г. в отношении Костромской епархии. В июле 1914 г. архиепископ Костромской и Галичский Тихон был перемещен в Курскую епархию², вскоре на Омскую кафедру отправился и викарный епископ Кинешемский Арсений³. Епископом Костромским и Галичским стал пресвященный Евгений, а во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии, был рукоположен ректор Донской духовной семинарии архимандрит Севастиан⁴.

Далее в отчете приводятся сведения об основном органе управления епархией — Костромской духовной консистории. Она состояла из пяти членов: четырех

¹ Епископ Евгений (Бережков; 1864–1924) перемещен на Костромскую кафедру из Приамурской епархии в 1914 г., управлял Костромской епархией до 23 августа 1918 г., когда был определен на покой.

² Архиепископ (до 1913 г. — епископ) Тихон (Василевский; 1867–1926) управлял Костромской епархией в 1905–1914 гг.

³ Епископ Арсений (Тимофеев; 1865–1917) был епископом Кинешемским, викарием Костромской епархии, в 1911–1914 гг.

⁴ Епископ (впоследствии архиепископ) Севастиан (Вести; 1870–1929 или, по другим сведениям, 1934) в 1923 и 1924–1929 гг. был управляющим Костромской епархией. Его хиротония во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии, состоялась 8 сентября 1914 г.

штатных (то есть положенных по штатному расписанию) и одного сверхштатного. Штатными членами являлись кафедральный протоиерей Успенского кафедрального собора Костромы (то есть настоятель кафедрального собора) Павел Крутиков и настоятели церквей города Костромы: Успенской при реке Волге — протоиерей Петр Левашев, Покровской в Полянской слободе — священник Иоанн Соколов, Стефановской — священник Александр Невский; сверхштатным членом консистории состоял священник костромской Богородицкой в Кузнецях церкви Александр Горицкий. По штату Костромской духовной консистории полагалось четыре стола (так именовались участки делопроизводства⁵), но из-за обилия дел и их сложности с разрешения Святейшего Синода был открыт пятый, сверхштатный стол. Казенное содержание чиновников консистории было очень скромным (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 2 об). В отчете приводятся общие сведения о консисторском бумагообороте: «В течение отчетного года вступило в консисторию всего 22 270 бумаг, а исходящих в этом году было 23 025. По этим бумагам составлено 362 протокола и 1643 журнальных статьи» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 3)⁶.

Благотворительной деятельностью Костромской епархии среди клириков и членов их семей занималось епархиальное попечительство о бедных духовного звания. В его состав входили один протоиерей и пять священников церковью города Костромы⁷. О работе попечительства отчет сообщает: «Средства для благотворительной деятельности попечительства дают ему: 1) сборы, производимые по всем церквам епархии: а) кружечный, б) тарелочный, в) при икононошениях и г) по подписным листам; 2) проценты, которые получаются с капитала попечительства; 3) поступающие по праздным священно- и церковнослужительским местам доходы, половина коих отчисляется в попечительство, 4) куда также поступают и денежные штрафы, налагаемые епархиальным начальством на священно- и церковнослужителей за проступки. Все эти источники дали попечительству в отчетном году, не считая остатка от предыдущего, — 23 351 рубль 76 копеек. Из них попечительство в этом году выдало сиротствующим семействам священно- и церковнослужителей и бедным лицам духовного звания в пособие: а) единовременное — 113 лицам 1903 рубля 07 копеек и б) в ежегодное — 983 лицам 15 464 рубля 50 копеек, а сверх того отпустило в совет Костромского епархиального женского училища 3590 рублей на содержание в 1914/15 учебном году бедных воспитанниц, дочерей духовенства. За этими расходами у попечительства осталось на 1915 год наличных денег 230 рублей 76 копеек и в билетах 212 635 рублей» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 3–3 об).

В ведении попечительства состоял дом призрения бедных священно-церковнослужителей Костромской епархии имени высокопреосвященного митрополита Арсения⁸. В 1914 г. в этом доме содержалось семь заштатных священно-церковнослужителей. До описываемого в отчете времени дом призрения располагался в каменном двухэтажном здании на территории Нового города Ипатьевского мужского монастыря. Но с началом Первой мировой войны в этом здании разместился лазарет для больных и раненых воинов, устроенный на средства церковью и причтов епархии; поэтому обитателей дома призрения пришлось расселить в свободные кельи корпусов Старого города Ипатьевской обители.

---

⁵ Первый стол занимался административными делами, второй — хозяйственными, третий — следственными (по проступкам и преступлениям духовных лиц), четвертый — денежными.

⁶ Под журнальными статьями имеются в виду записи в журнале заседаний консистории о слушании тех или иных вопросов и о решениях, по ним принятых.

⁷ Следует учитывать, что попечительство занималось именно благотворительной деятельностью, но не пенсионным обеспечением.

⁸ Арсений (Москвин; 1795–1876), митрополит Киевский и Галицкий, родился в селе Воронье Костромского уезда, в 1819 г. окончил Костромскую духовную семинарию. Им был пожертвован капитал в 30 тысяч рублей на устройство и содержание в костромском Свято-Троицком Ипатьевском мужском монастыре дома призрения для бедного духовенства (1875 г.); в 1914 г. размер этого капитала составлял 73 тысячи рублей.

Ближайшими сотрудниками и помощниками архиерея в управлении епархией являлись благочинные — протоиереи и священники, руководившие церковной жизнью благочиннических округов (в Костромской епархии 1914 года таких округов насчитывалось 73). В каждом округе имелся благочиннический совет, состоявший из самого благочинного (председателя совета) и двух членов — священников, избравшихся на три года духовенством округа из своего числа и утверждавшихся епархиальным начальством. Отчет указывает: «Ведению этих советов подлежат разные мелкие дела, касающиеся духовенства, а также аттестация его в клировых ведомостях и представление достойных вниманию епархиального начальства на предмет награждения их» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 4 об. — 5).

Второй раздел отчета — «Обозрение епархии» — занимает менее двух машинописных страниц. В нем говорится о поездках по епархии, совершавшихся в отчетном 1914 г. архиепископом Тихоном и викарным епископом Арсением (епископ Евгений и епископ Севастиян, прибывшие в Кострому лишь осенью, таких поездок предпринять не успели).

Третий раздел епархиального отчета — «Монастыри» — содержит сведения об имевшихся в Костромской епархии обителях. В 1914 г. на территории Костромской губернии имелось десять мужских монастырей, десять женских и одна женская община — представлявшая собой «зачаток иночества в Варнавинском уезде, одном из трех уездов епархии, в которых нет монастырей» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 6 об.). Отчет приводит любопытные сведения о надзоре за епархиальными обителями. Оказывается, кроме традиционно исполнявших эти обязанности благочинных монастырей, обычно назначавшихся из числа наиболее авторитетных монастырских настоятелей, за порядком в обителях наблюдали и представители белого духовенства: «на этот год остался в епархии только один благочинный монастырей — настоятель Макариево-Унженской обители архимандрит Виссарион⁹. Но для неослабного надзора за обителями епархии, разбросанными по разным местам ее, иметь только одного монастырского благочинного епархиальное начальство признало недостаточным; между тем и лиц, пригодных для этой должности, среди наличных иноков епархии, за исключением упомянутого архимандрита Виссариона, не усматривало. Ввиду сего, кроме этого архимандрита Виссариона, правами и обязанностями благочинных монастырей облечены были епархиальным начальством по определению от 26–27 июня на время, впредь до изменения обстоятельств, еще 11 благонадежных протоиереев и священников с поручением их смотрению обителей, находящихся поблизости» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 6 об. — 7)¹⁰.

Описание внутренней жизни монастырей, приводимое в отчете, схематично и традиционно, но содержит интересные заметки критического характера: «Душевное же настроение и нравственное состояние самих обитателей монастырей выше и устойчивее в женских обителях, чем в мужских. По свидетельству одного из благочинных монастырских — архимандрита Виссариона, ему при обозрении женских обителей не приходилось слышать от настоятельниц их жалоб не только на пороки сестер, но даже и на недостатки, требующие исправления и вразумления. <...> Тем же похвалиться мужские монастыри не могут. Насельники их, по свидетельству того же благочинного монастырского, могут быть разделены на две не одинаковые в нравственном отношении, не равные и по численности группы. Из них одну, меньшую, составляют насельники монастырские, так сказать, оседлые. Эти и в нравственном отношении, за редкими исключениями, устойчивы. Прочно осев в обителях, где

⁹ Архимандрит Виссарион (Ильинский; 1850 — не ранее 1923) пользовался большим уважением духовенства и мирян, в августе 1917 г. был избран членом Поместного Собора Православной Российской Церкви от Костромской епархии.

¹⁰ Следует, впрочем, учитывать, что распоряжение о привлечении белого духовенства к надзору за монастырями отдал предшественник владыки Евгения архиепископ Тихон, не скрывавший своего скептического отношения к костромским монашествующим (а возможно, и к иночеству в целом).

поселились, они уже беспрекословно подчиняются установленному здесь режиму, живут тихо, скромно, сторонясь дурных сообществ и развлечений, являя нередко примеры послушания, смирения, воздержания, страха Божия. Этих оседлых, устойчивых и нравственно благонадежных насельников монастырских превышает числом другая половина их, которую в противоположность первой, оседлой, можно назвать переходной, бродячей. Прочно не осевшая эта часть монастырских насельников так же малоустойчива, ненадежна и в нравственном отношении, в особенности проживающие на испытании. Среди этих нередко оказываются лица с дурными привычками, порочными наклонностями. При обнаружении таковых, правда, пришельцы эти изгоняются из обителей, но здесь-то оставляют след после себя, внося временное частичное расстройство в монастырскую жизнь, соблазняя иногда, увлекая на путь порока и иноков более слабых» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 8–9).

В отчете достаточно подробно говорится об источниках материально-финансового обеспечения иноческих обителей и об их благотворительной деятельности — содержании больницы, богаделен, школ грамоты и одноклассных церковно-приходских школ. Богоявленско-Анастасийн женский монастырь в Костроме содержал «в зданиях упраздненного Крестовоздвиженского монастыря 7-классное женское училище, приготовляющее к установленным экзаменам на звание учительниц и сестер милосердия Красного Креста. Здесь учащихся в отчетном году было 121, из них 34 ученицы и проживали при училище в интернате, притом 13 беднейших — совершенно бесплатно, а 3 с платой в половинном размере против назначенной для остальных. Из 87 приходящих воспитанниц сего училища 8 бедных пользовались тоже льготой, обучаясь бесплатно» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 11).

Целый ряд источников свидетельствует о социальной роли Церкви и братств на территории Костромской губернии. Александровское братство действовало в местах, связанных с царской фамилией Романовых. Один из отчетов за подписью товарища председателя Совета братства И. Студитского [Павлова, 1991] свидетельствует *общий итог деятельности братства* за 34-летний период существования (по изданию отчета на 1913 год): в ведении Братского управления — 7 школ и 4 учебных мастерских с четырьмя общежитиями при 34 лицах учебного персонала, из которых 14 получают содержание из средств братства. Общее число учащихся в братских школах и мастерских составляет 600 человек, в том числе 286 мальчиков и 314 девочек.

Впоследствии лечебницы, учебные учреждения и мастерские благотворителей Костромской земли — А. Н. Григорова, Ф. В. Чижова, В. Ф. Лугинина, Третьякова, братьев Черновых, многих других [Павлова, 1991], станут основой социальной и производственной сфер развития Костромской земли в советский период.

С началом Первой мировой войны костромские монастыри сконцентрировали свою благотворительную деятельность на задачах военного времени: «Дружно, общими силами и средствами обители сии оборудовали лазарет для раненых и больных воинов на 50 кроватей и содержат таковой на общие же средства свои, обложив себя определенными, по состоянию, ежемесячными денежными взносами на это. Помещается этот монастырский лазарет в уступленном под него Кинешемским Успенским женским монастырем особом здании, принадлежащем этому монастырю в городе Кинешме. Настоятельница сего монастыря по уполномочию от остальных и заведует этим лазаретом. Обслуживают его тоже сестры монастырские, для чего, между прочим, настоятельницами четырех других монастырей предложено 11 благонадежных инокинь, способных к уходу за больными и ранеными. Помимо этого общего монастырского лазарета, отдельный от него свой лазарет для больных и раненых воинов нашел возможным открыть на 20 кроватей и таковой, с увеличением по надобности числа коек до 35, содержит в городе Костроме местный Богоявленский женский монастырь в помещениях своих. Подобно этому самостоятельные же свои небольшие лазареты для раненых и больных воинов открыли и содержат в своих помещениях и еще два женских монастыря епархии: Решемский — на 5, с добавочной же на 6 кроватей, и Галичский Староторжский — на 8 кроватей» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 12–12 об.).

Другие документы подтверждают масштабную деятельность епархии в годы войны. Костромской епархиальный съезд духовенства и представителей церковных старост, состоявшийся в 1916 г. [Гулин, 2014, 17–19], носил характер чрезвычайного и решал, кроме других вопросов, проблему беженцев как следствия военных действий. А журнал комиссии Эмеритальной кассы утвердил доклад комитета при лаврете церкви и духовенства Костромской епархии: расходование средств с 1 ноября 1914 г. по 1 июля 1916 г. в размере 46461 рубль.

В четвертом разделе отчета — «Церкви» — излагаются общие сведения о храмах Костромской епархии. В 1914 г. на территории Костромской губернии строилось 12 церквей (9 каменных и 3 деревянных) и, кроме того, были завершены постройкой 6 церквей (1 каменная и 5 деревянных). Упразднению в 1914 г. подверглась лишь одна ветхая деревянная церковь в селе Бобушкино Макарьевского уезда, «так как служить в ней за ветхостью нельзя было; между тем в селе имеется недавно отстроенный пятипрестольный каменный храм, в виду сего по сношению с Археологической комиссией старая деревянная церковь, однако построенная лишь в 1846 [году], как не представляющая ничего примечательного в археологическом отношении была разобрана, а материал ее употреблен на отопление каменного храма» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 13 об.).

Отчет отмечает потребность в устройстве новых приходов: «Количество существующих в епархии церквей не превышает потребности и избытка их не ощущается. Напротив, с естественным ростом, увеличением православного населения в больших приходах существующие здесь церкви становятся тесными и является надобность их расширять или же строить новые в тех селениях, которые очень удалены от своих приходских церквей или испытывают большие затруднения в сообщении с ними по состоянию проселочных дорог» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 14). В документе представлены сведения, которые касаются решения многих социальных проблем того времени. В частности, содержатся сообщения о порядке ведения приходской документации, о наличии при церквях епархии десяти богаделен (где призрелись 85 человек) и двух детских приютов на 17 детей¹¹.

Сведения о положении и трудах священно- и церковнослужителей Костромской епархии содержатся в пятом разделе отчета — «Духовенство».

Образовательный уровень костромских клириков был достаточно скромным, и это не являлось чем-то экстраординарным для описываемого времени¹²: «Средний уровень школьного образования духовенства Костромской епархии не особенно высок. Среди него лица с высшим образованием встречаются как редкие единичные исключения. Так, в отчетном году по всей епархии на приходской службе состояло менее десятка протоиереев и священников, получивших высшее образование, а с таким же образованием диаконов и псаломщиков и совсем не было. Зато, по крайней мере, среди отцов протоиереев, коих на действительной службе по епархии состояло близ полусотни, не было ни одного и такого, который бы не получил богословского образования в духовной семинарии. Священников же на действительной службе в епархии состояло свыше 1100» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 15). Отчет указывает на прямую связь образованности духовенства с эффективностью его служения,

---

¹¹ Поскольку в Отчете общее число церквей не указано, приведем данные несколько более позднего времени. В октябре 1916 г. в Костромской епархии насчитывалось 944 самостоятельных прихода, церковное служение в епархии исполняли 1157 протоиереев и священников, 384 диакона и 1164 псаломщика [Распоряжения епархиального начальства, 1916, 475].

¹² Приведем для сравнения сведения по Смоленской епархии за 1916 г.: «Образовательный уровень духовенства оставлял желать лучшего — лишь 5 клириков имели высшее духовное образование, более 20% священников не имели и семинарского образования, из причта образование получили лишь 32 человека. Как видим, данные отчета о состоянии Смоленской епархии полностью подтверждают отмеченные в последние годы исследователями общероссийские тенденции: низкая грамотность священно- и церковнослужителей, нехватка священнических кадров» [Каиль, 2010, 105–106].

но при этом воздаст должное и личным качествам костромских отцов: «Теперь, с развитием грамотности в народе, даже к сельским пастырям прихожане их все чаще начинают обращаться уже не только за исправлением треб, но и за разрешением своих недоумений и сомнений в религиозно-нравственных вопросах, притом иногда таких сложных и трудных, что дать ответы на них невозможно без соответствующего образования. Поэтому вполне естественно, что священники, получившие законченное богословское образование, пользуются среди прихожан большим авторитетом и имеют большее на них влияние, чем не обладающие таким образованием. Но и этим последним нельзя отказать в искреннем усердии и стремлении послужить по мере сил и разума на благо Церкви» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 15 об. — 16).

О богослужбной, требоисполнительской и духовно-просветительской деятельности духовенства сообщаются самые общие и только положительные сведения — содержащие, тем не менее, любопытные детали: «Богослужение совершается духовенством благочинно, по установленному порядку, лишь с незначительными сокращениями против устава, и в дни воскресные и праздничные во всех церквях епархии неопустительно, а в городских храмах и по будням почти ежедневно, с пропуском лишь иногда 1–2 дней в неделю. В сельских же приходах служба церковная по будням правится обычно уже только по просьбам прихожан. Воскресное и праздничное богослужение совершается в очень многих приходах епархии с участием в клиросном пении вместе с псаломщиками и прихожан, как взрослых, так и школьников. Из тех и других во многих местах организованы даже целые хоры. Конечно, такие приходские хоры церковные далеки от совершенства, но имеет значение уже и то, что поет на клиросе не один псаломщик. А местами делаются попытки к введению даже общенародного пения в храме, и бывает, не совсем безуспешно. Например, в Боготцовской церкви города Костромы общеизвестные церковные песнопения поют все молящиеся» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 16–16 об.). «Во многих приходах церковная проповедь стала почти постоянной принадлежностью, как бы составной частью воскресного и праздничного богослужения, и к этому сами прихожане здесь так привыкли, что, по свидетельству благочинных, если по какому-либо случаю проповеди за богослужением не бывает, то таковое считают как бы не доконченным. Проповеди же произносят священники и собственного сочинения, но в преобладающем большинстве пользуются готовыми печатными, приспособляя, однако, их к местным условиям, обстоятельствам и пониманию слушателей. <...> Не довольствуясь устным назиданием своих прихожан, ревностные пастыри предлагают своим пасомым и печатное душеполезное слово, для чего устраивают при церквях книжные склады недорогих книг, брошюр и листов церковно-исторического, религиозно-нравственного и обличительного содержания» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 16 об. — 17 об.).

Говоря о нравственном уровне духовенства, составители отчета указывают на дисциплинирующий фактор военного времени: «Нравственное состояние и поведение духовенства епархии в общем удовлетворительно. <...> Правда, в епархиальном управлении производилось в отчетном году около сотни дел о проступках священно- и церковнослужителей. Но такое число этих дел в отношении к общему числу духовенства в епархии не может быть признано большим, говорящим о порочности духовенства в общей массе его, о его неблагоповедении и низком уровне нравственности. О росте же, увеличении за истекший год числа проступков среди духовенства говорить не приходится. Напротив, должен быть отмечен ярко обозначившийся во второй половине года высокий нравственный подъем, который охватил духовенство епархии под влиянием начавшейся беспримерной войны с немцами и доселе поддерживается ею. Последовавшее же в связи с ней прекращение торговли спиртными напитками положило конец возникновению дел о нетрезвости священно- и церковнослужителей и связанном с ней, обусловленном ею неблагоповедении, чем главным образом и чаще всего прежде и грешили они» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 17 об. — 18). (Торговля спиртным в Российской империи была в 1914 г. полностью прекращена.)

Самой сложной стороной жизни костромских отцов являлось, как следует из отчета, их материальное обеспечение — и с этим была непосредственно связана кадровая проблема, обозначенная в начале раздела «Духовенство»: «жизнь с каждым годом становится все дороже и предъявляет все новые требования, вызывающие новые расходы. Поэтому не удивительно, что даже священники многие, имеющие детей учащихся, терпят настоящую нужду; семейные же диаконы и псаломщики живут не лучше рядовых крестьян. При таких условиях вполне понятно заветное желание духовенства иметь соответствующее казенное жалованье. Прямым последствием неудовлетворительного обеспечения духовенства епархии содержанием является ощущаемый здесь недостаток лиц с желательной подготовкой для замещения священно- и церковнослужительских должностей, так как неохотно идут на такие скудно обеспечивающие должности даже прямые кандидаты на них, дети духовенства, и многие из них, притом лучшие, более способные, избирают иной род службы и занятий, в материальном отношении более привлекательный, чем служба в клире» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 18 об. — 19).

В шестом разделе отчета — «Паства» — содержатся сведения о православном населении Костромской губернии: «К концу отчетного года в Костромской епархии православных по церковным документам значилось 1 587 018 обоего пола, в том числе естественное увеличение населения, вследствие преобладания числа родившихся над числом умерших, составляло 34 108 обоего пола, и присоединено к православию из раскола 264 души обоего пола, из инославных исповеданий 7 и из внехристианских 13, а всего 284 души обоего пола. Отпало от православия в раскол 68 душ и в сектанство 1, а всего 69 душ обоего пола» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 20).

Начавшаяся война оказала, по свидетельству отчета, в целом положительное влияние на духовно-нравственное состояние мирян: «Вспыхнувшая ныне великая война внесла в бытовую жизнь еще большее сознание необходимости обращения к Богу, непрестанной молитвы и поспешения на добрые дела. Народ стал усерднее к храму, больше жертвует на храм» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 20 об.). Впрочем, отчет описывает и негативные с религиозной точки зрения стороны народной жизни — и эти страницы документа заслуживают подробного изложения:

«Хотя на общественной и семейной жизни простого народа и лежит печать церковности, тем не менее фабричное население и часть молодого поколения, побывшего на фабриках и на промыслах в столицах и больших городах, является исключением в этом отношении. Фабричное население под влиянием социал-демократических идей, усердно распространяемых разными пришлыми агитаторами, иногда обнаруживает равнодушие к вере и даже презрительное отношение к некоторым православным обычаям и церковным установлениям. Некоторые из фабричной среды, даже сохраняя внешнее благочестие, намеренно уклоняются от исполнения долга исповеди и Святого Причастия и сознательно нарушают посты. Хотя такое отношение к религии является далеко не общим среди фабричного населения, тем не менее в его среде все чаще появляются отдельные лица, которые не только пренебрегают исполнением религиозных обязанностей, но даже ставят себя во враждебные отношения к Церкви и ее установлениям. Крестьянская молодежь, побывавшая на фабриках и на промыслах, под влиянием фабричной среды, а также вследствие чтения разных социалистических изданий возвращается в свои деревни развращенной религиозно и нравственно, и бесцеремонно нарушает христианские традиции своих дедов и отцов, производя этим соблазн в своих подростках и сверстниках, начинающих обнаруживать холодность к вере и пренебрежение религиозными обязанностями. Такое дурное влияние на молодое поколение в деревне находит для себя большую поддержку в сельской интеллигенции в лице земских фельдшеров, учителей, агрономов и лесничих, которые при удобном случае демонстрируют свое вольномыслие пред малограмотной крестьянской молодежью. Это тлетворное вольномыслие, подогреваемое социалистической и прочей неблагонамеренной литературой, наводняющей за последнее десятилетие деревню, создает в молодом

крестьянском поколении прямой распад духовной жизни с уклоном ее по житейскому руслу в сторону неверия, религиозного индифферентизма, нравственного разложения и даже нигилизма, доходящего порой до грубого проявления разнузданного озорства, именуемого ныне хулиганством. Впрочем, последний порок, резко бросающийся в глаза среди фабричного и крестьянского люда, когда вспыхнула вторая великая отечественная война¹³, потерял под собой почву и сам собой сократился. Свыше наказанные Господом хулители православия, видя тяжкие испытания, ниспосланные родине сначала засухой, затем неурожаем, а вслед за ними великой войной с жестоководным и свирепым врагом, как-то сразу присмирели и заметно изменили свою жизнь. На мирный уклад жизни деревенского и фабричного населения много повлияло и закрытие со времени войны винной монополии. Соединенные с пьянством разнузданность, бесчинства и своеволие молодежи с запрещением продажи спиртных напитков сразу прекратились; все зачинщики безобразия и нарушители тишины и порядка сразу куда-то попрятались. Так трезвость населения повлияла на эту болящую сторону крестьянской жизни. Но, к сожалению, с прекращением винной торговли случилось нечто неожиданное: вместо прежнего пьянства широко развилась картежная игра. Не только молодежь, но и люди семейные, увлекшись этой азартной страстью, воскресные и праздничные дни проводят в этом пагубном развлечении. Объясняется это тем, что у населения нет других разумных и полезных развлечений, которые бы заполнили у них часы досуга и отдохновения, — и винная страсть населения, не будучи удовлетворена и как бы ища себе выхода, сменилась не менее пагубной для крестьянского кармана страстью к карточной игре» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 20 об. — 22).

Сразу несколько источников характеризуют настроения самых разных слоев населения губернии в военный период [Образцов, 2004; Бадьина, 2014; Пушкарев, 2007]. Так, А. О. Гулин [Гулин, 2014, 17–19] показывает динамику настроений в разные периоды войны. «В июне и августе 1914 года возникает видимость национального единства и гражданского мира. В августе 1914 года буйский уездный исправник в отчете перед губернатором о ситуации на местах сообщил, что „объявление России войны Германией и Австрией вызвало такой подъем духа и искреннее желание поддержать правительство, что приходится поражаться единодушием... населения“». В октябре Нерехсткий исправник докладывает о «всенародном искреннем подъеме и всеобщем воодушевлении». Но уже затягивающиеся военные действия вызывают рост забастовочного движения в промышленно развитых районах с требованием повышения зарплаты и удешевления товаров. Кинешемский исправник отмечал в августе 1915 г. частые и досрочные призывы новобранцев на фоне отступления армии как отрицательный фактор общественной жизни.

Палитра губернских событий первых лет войны достаточно широка. С одной стороны, Г. Ю. Волков [Волков, 1993, 128–132] описывает решительные действия власти в столь сложный период. Губернатор П. П. Стремоухов в 1914 г. издает ряд постановлений о запрещении распространения ложных слухов, статей и докладов, очерняющих действия правительства по ограничению в продаже алкоголя, о контроле за множительной техникой. 18 июля закрываются все казенные винные лавки. В конце июля организуются торжественные проводы Юрьевецкого и Пултуского полков, активно идет обустройство госпиталя и лазаретов.

Однако уже в июне 1915 г. в Костроме, по описанию И. Н. Матвиевского [Матвиевский, 2014, 6–11], невозможность удержать рост цен и отказ в повышении зарплаты и выплаты квартирных денег со стороны директора Большой льняной мануфактуры и одновременно городского головы привели в совокупности к многотысячной стачке, при жестком подавлении которой погибло четыре человека.

¹³ Выражения «великая отечественная война» или «вторая великая отечественная война» (вторая — сравнительно с Отечественной войной 1812 года) нередко употреблялись в то время применительно к войне, которую мы сейчас называем Первой мировой. См., напр.: [Великая Отечественная война и костромские семинаристы, 1914, 514].

Довольно критически отчет характеризует религиозность городского населения и, в частности, интеллигенции: «В городе состояние благочестия несколько иное, чем в деревнях. Горожане, составляющие так называемую интеллигенцию, в большинстве случаев ограничиваются внешним благочестием. Они посещают богослужение в воскресные и праздничные дни, принимают в свои дома священника с св[ятыми] крестом и водой, не уклоняются даже от исполнения долга исповеди и Святого Причастия, но все это делают больше по обязанности или принятому обыкновению, чем по внутреннему религиозному побуждению. В существе же многие из них совершенно равнодушны к вере и безразличны к церковным установлениям, хотя открытых вольнодумцев и явных безбожников между ними и нет. Часто случается, что интеллигент так бывает погружен в житейскую суету и так увлечен погоней за материальными благами, что ему некогда бывает подумать о своей душе. Конечно, не все интеллигенты таковы и между ними есть немало людей глубоковерующих и искренне-благочестивых, но так называемая передовая часть общества вообще усвоила пренебрежительное отношение к религиозным обязанностям. Посты, например, многие считают если не предрассудком, то во всяком случае ненужным стеснением нравственной свободы, и потому со спокойной совестью нарушают их. В этом отношении более отрицательное влияние производит на окружающих в семье и в обществе учащаяся, в особенности в высших учебных заведениях, молодежь, самолюбивая, авторитетно переоценивающая все ценности жизни и всегда склонная к эпикурейскому времяпровождению. Впрочем, нужно сказать и то, что в городах такое отношение к религиозным обязанностям иногда находит для себя поддержку в публичном оказательстве неуважительного отношения к Церкви и ее установлениям. Несоблюдение постов открыто практикуется в официальных пансионатах светских учебных заведений как воспитанниками, так и воспитателями. Естественно, что питомец этих пансионатов, не приобретающий в детстве христианских навыков, не обнаруживает их и в дальнейшей своей жизни. Нередко также публично нарушается святость праздников устройством накануне воскресных и праздничных дней концертов, вечеров, театральных зрелищ и проч[его]. Что бы ни говорили в защиту такой свободы, но остается несомненным тот факт, что все эти спектакли и зрелища в канун праздников отвлекают от исполнения религиозных обязанностей, охлаждают религиозное чувство и мало-помалу способствуют полному равнодушию к религии. К счастью, большая часть горожан, состоящая из мелкого купечества и рядового мещанства, в отношении благочестия не отличается от простого народа и так же, как последний, крепко держится религиозных устоев и предания Церкви» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 22–22 об.).

Ни уровень распространения в народе элементарных религиозных знаний, ни отношение прихожан к духовенству не вызывают у составителей отчета серьезных опасений — хотя по последнему показателю города и фабричные районы выглядят не слишком достойно: «В городах в большинстве случаев не идут дальше внешнего почтения, под которым иногда скрывается полуснисходительное или полупрезрительное отношение к духовенству, а в фабричных районах бывали случаи и явного неуважения к духовенству в виде насмешек над ними за производимые с них сборы. И действительно, существующие способы обеспечения духовенства, являясь по условиям данного времени анахронизмом, понижают авторитет духовенства» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 23).

Седьмой раздел отчета, названный «Катихизические поучения», кратко говорит о поучениях, произносившихся духовенством в церквях за богослужениями и во внебогослужбное время.

Восьмой раздел отчета именуется «Раскол и сектантство. Противорасколосектантская миссия». В начале раздела приводятся сведения о численности представителей различных течений старообрядчества на территории Костромской губернии:

«В 1914 году всех раскольников старообрядцев в Костромской епархии насчитывалось до 50 502, в том числе приемлющих священство белокрыницкой иерархии — 11 181, беглопоповцев — 9 949, поморцев — 14 573, спасовцев — 10 760,

странников — 3 371, федосеевцев, филипповцев и других — 668. Приведенные цифры показывают, что самый многочисленный раскольнический толк в Костромской епархии — беспоповский с различными его разветвлениями. Расколом старообрядчества заражены 10 уездов епархии, хотя далеко не в одинаковой степени, судя по количеству проживающих в них раскольников. Первое место в этом отношении занимает уезд Варнавинский, где раскольников насчитывается до 27 225 человек. За ним следует Макарьевский уезд со своими 10 615 раскольниками. Довольно значительное число их имеется также в уездах: Костромском — 3 799, Кинешемском — 3 528, Нерехтском — 2 985 и Юрьевоком — 1 936. Но в Буйском уезде раскольников проживает уже только 352, а в Галичском еще меньше — 146; в Солигаличском же и Чухломском — совсем ничтожное количество: 11 — в первом и 5 — в последнем.

Раскольнических общин, зарегистрированных в порядке закона 17 октября 1906 года, числилось в отчетном году по всей епархии 15 австрийского толка, 4 беглопоповского и 3 беспоповщинские — всего 22. Наставников же раскольнических и духовных лиц с незарегистрированными насчитывалось свыше 100. Раскольники Костромской епархии имеют здесь более 110 молитвенных домов, 9 часовен и до 46 храмов. Кроме того, здесь есть 2 раскольнических скита, 4 богадельни и 2 школы» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 25 об. — 26).

Отчет приводит краткие сведения о сектантах, действовавших на территории Костромской епархии (немоляках, штундистах, евангеликах, хлыстах); особенно интересна информация об иоаннитах — почитателях отца Иоанна Кронштадтского, фактически обожествлявших его: «Неизвестно... точное количество иоаннитов, которые изредка встречаются в уезде Кинешемском. В Солигаличском уезде проживает известный, прославившийся в свое время составлением акафиста отцу Иоанну Кронштадтскому Пономарев¹⁴. Но он в настоящее время никакой пропаганды иоаннитства не ведет; многие смотрят уже на него как на ненормального в умственном отношении и сторонятся его. Отдельных зарегистрированных общин сектантских в Костромской епархии не имеется, и местные евангелики, например, все причислены к петроградской общине евангельских христиан» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 27). Отчет подробно описывает церковные силы и средства, употреблявшиеся для миссионерской работы среди старообрядцев и сектантов (подчеркнем, что — в отличие от современной терминологии — в те времена борьбу со старообрядцами и сектантами также именовали миссионерством, то же относится и к употреблению термина «миссионер»). Излагаются сведения о беседах, проводившихся епархиальными миссионерами.

Отчеты о деятельности Костромского Православного Федоровско-Сергиевского братства, занимавшегося в основном миссионерской деятельностью и противодействием сектам, за 1912 и 1915 гг., показывают рост сектанства в предвоенное и военное время (Отчет Федоровско-Сергиевского братства за 1915 год, 1916, 33; Отчет Федоровско-Сергиевского братства за 1912 год, 1913, 32–34). Так, в 1912 г. был особый наплыв миссионеров-иоаннитов: «В Кинешемском уезде вокруг фабрик (Вичуга и др.) под видом книгонош с бесплатными билетами проезда по железной дороге они распространяли литературу, кольца, кресты, пояса, покрова, уверяя, что все это освящено на могиле о. Иоанна Кронштадтского. Последователи данной секты прячутся под благочестивой личиной. Молитва иоаннитов ничего духовного не представляет, являя собой тяжелое самоистязание. По четкам они совершают 5–10 тысяч земных поклонов, детей заставляют делать до 1000 до изнеможения. Они проповедуют безбрачие, призывают ослеплять детей и жен» (Отчет Федоровско-Сергиевского братства за 1912 год, 1913, 32–34).

В девятом разделе отчета, названном «Училища при монастырях и церквах», содержатся сведения о церковных школах епархии. Поскольку подробный отчет о церковных школах предоставлялся священноначалию отдельно, в епархиальном отчете такая информация подавалась лаконично: «Всех же школ церковных в Костромской епархии

¹⁴ Подробнее об Иване Артамоновиче Пономареве и его сектантской деятельности см.: [Иванов, 1902].

в отчетном году было 377, в том числе: 1 — церковно-учительская, 11 второклассных, 5 двухклассных, 355 одноклассных и 5 школ грамоты¹⁵. В них учащихся в том же году было 10 505 мальчиков и 6 943 девочки, всего 17 448. О состоянии этих школ за истекший год подробный отчет представляется особо. Поэтому здесь достаточно отметить, что церковная школа была первым, после храма, центром религиозного влияния в приходе и религиозного воспитания его» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 29).

Последний, десятый раздел отчета именуется «Общий взгляд на состояние епархии». Он резюмирует все изложенное ранее и заключается собственноручной подписью владыки Евгения:

«В заключение считаю долгом отметить, что церковная жизнь в Костромской епархии за минувший год протекла нормально, обычным порядком, без каких-либо осложнений. Пастыри Церкви, за малыми исключениями, стояли на высоте своего положения, усердно исполняя вверенное им приходское дело; низшие члены клира содействовали своим настоятелям в их пастырском служении. Прекращение продажи вина много способствовало возвышению духовного строя как духовенства, так, в особенности, пасомых. Вследствие невозможности упиваться вином сократились многие пороки и преступность как в духовной среде, так и среди мирян. В то же время вспыхнувшая великая война наложила печать серьезности на жизнь всего населения епархии, обращая взоры людей к Богу и пробуждая лучшие чувства человеческой души. <...> Чувствуется особый духовный подъем и в пастырях, и в пасомых, и тесная духовная связь оставшихся дома и отправившихся на войну — большая, чем когда-либо, заботливость об облегчении тягости и страданий несущих ратный подвиг. Евгений, епископ Костромской и Галичский» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 30–30 об.).

Епархиальный отчет о состоянии Костромской епархии за 1914 г., другие исторические документы времени начала Первой мировой войны позволяют нам сделать определенные выводы. Ослабление основ православной веры вызывает несколько волн роста раскола и многочисленных сект в самых разных слоях общества, и прежде всего — в промышленно развитых районах. Ускорение миграции между городом и деревней возвращает в последнюю охлаждение к православной вере, а в Костроме и других городах к началу Первой мировой войны небрежение к церковной жизни распространяется даже на образовательные учреждения. С ходом военных действий меняется и настроение в самых разных слоях населения. Воодушевление первых месяцев войны сменяет усталость и недовольство. Если в глубинке губернии рост цен и внеплановый призыв в армию проходит более спокойно, то в Костроме и Кинешме трудности вкупе с невниманием части городского чиновничества вызывают масштабное стачечное движение.

Однако даже при всей сложности духовно-нравственного состояния костромской глубинки на фоне лишений военного времени мы видим значительную деятельность по комплектованию полков и требуемого дополнительного призыва, приема беженцев и раненых в лазареты и госпиталя, обустройство жизни губернии в военный период. Епархиальный отчет отличается спокойным и деловым тоном изложения проблем. Он, как и другие документы по деятельности Церкви и православных общественных организаций, свидетельствует о значимой роли Церкви в поддержании единства общества в непростой момент истории. Прежде всего, документы, использованные в качестве источников статьи, правдиво и обоснованно рассказывают о помощи в приеме беженцев и организации лечения, о сборе средств, планомерном противодействии расколу и сектам на территории епархии, о строительстве храмов и социальных учреждений, об образовании и поддержании духовно-нравственного состояния священства, о воспитании паствы, детей и других важных вопросах.

¹⁵ Непосредственно обучением детей занимались школы грамоты, одно- и двухклассные церковно-приходские школы. Второклассные школы и единственная в Костромской епархии церковно-учительская школа (в селе Хреново Кинешемского уезда) готовили учителей для школ грамоты и церковно-приходских школ.

Источники и литература

Источники

1. Отчет о состоянии Костромской епархии за 1914 год. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645.
2. Отчет Феодоровско-Сергиевского братства за 1912 год (1913) — Отчет о состоянии и деятельности православного Костромского Феодоровско-Сергиевского братства за 1912 год. Кострома: Губернская типография, 1913.
3. Отчет Феодоровско-Сергиевского братства за 1915 год (1916) — Отчет о состоянии и деятельности православного Костромского Феодоровско-Сергиевского братства за 1915 год. Кострома: Губернская типография, 1916. 52 с.
4. Распоряжения епархиального начальства (1916) — Распоряжения епархиального начальства // Костромские епархиальные ведомости. 1916. 1 ноября. № 21. Отдел официальный.
5. Каиль (2000) — Смоленская епархия накануне революции. Документы из отчета о состоянии Смоленской епархии за 1916 г. / Вступ. статья, подг. текста к публикации и комм. М. В. Каиля // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. II: 3 (36).
6. Великая Отечественная война и костромские семинаристы (1914) — Великая Отечественная война и костромские семинаристы // Костромские епархиальные ведомости. 1914. 1 декабря. № 23. Отдел неофициальный.

Литература

7. Бадьина (2014) — *Бадьина И. В.* По обстоятельствам военного времени // Губернский дом. 2014. № 1. С. 60–66.
8. Волков (1993) — *Волков Г. Ю.* Костромская губерния в начале Первой мировой войны // Российская государственность: этапы становления: тезисы и материалы научной конференции. Кострома, 1993. Ч. III. С. 128–132.
9. Гулин (2014) — *Гулин А. О.* Трансформация общественных настроений населения Костромской губернии в годы Первой мировой войны // Костромская земля в жизни великой России: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 70-й годовщине образования Костромской области / Сост. и отв. ред. А. Р. Наумов. Кострома: КГУ им Н. А. Некрасова, 2014. С. 17–19.
10. Иванов (1902) — *Иванов И., свящ.* Новое проявление религиозного невежества // Костромские епархиальные ведомости. 1902. 15 сентября. № 18. Отдел II, часть неофициальная. С. 491–495; 1 октября. № 19. Отдел II, часть неофициальная. С. 519–525; 15 октября. № 20. Отдел II, часть неофициальная. С. 542–545.
11. Матвиевский (2014) — *Матвиевский И. Н.* Музейный хронограф 2014: сборник статей и материалов сотрудников Костромского музея-заповедника. Кострома: ДиАР, 2014. С. 6–11.
12. Образцов (2004) — *Образцов И. В.* Деревне война не принесла ничего, кроме слез неутошенных и убытков сильных // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 39–44.
13. Павлова (1991) — *Павлова Т. В.* Благотворители. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры «Памятники отечества». 1991. № 1(23). С. 85–86.
14. Пушкарев (2007) — *Пушкарев А.* Костромская духовная семинария в годы Первой мировой войны // Светочъ: альманах. Кострома, 2007. Вып. II. С. 33–37.
15. Спичак (2016) — *Спичак А. В.* Отчеты о состоянии Тобольской епархии 1856–1915 годов: общее и особенное в содержании и оформлении // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255).